

Соколов А. В.

БИБЛИОТЕКИ И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Обещания и угрозы рынка. «Быть или не быть рыночной экономике в нашей стране?» — не экономический, а острый политический вопрос, вокруг которого противоборствуют партии и общественные движения. Десять лет назад теория рыночного социализма, рассматривающая социалистическую экономику как вид товарно-денежного хозяйства, считалась антимарксистской, реформистской и буржуазной¹. XXVIII съезд КПСС высказался за рыночную экономику в качестве «альтернативы изжившей себя административно-командной системе управления народным хозяйством»². Умеренные реформаторы принялись за поиски оптимального сочетания плана и рынка, максималисты же призвали к приватизации, свободным ценам, частному предпринимательству, отказу от социалистической идеи и капитализации всей экономики. Естественно, Коммунистическая партия РСФСР, возглавляемая И. К. Полозковым, потребовала «вернуть революционную перестройку в русло социалистических по своему духу и смыслу преобразований»³. В августе 1991 г. путчисты попытались осуществить этот возврат силой оружия. Одна из задач путча состояла в приостановлении «стихийного скольжения к рынку», в восстановлении «единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями».

Путч провалился. Демократия одержала политическую победу, но ей еще предстоит долгий и трудный путь к победе экономической. В связи с этим уместно и библиотечным работникам определить свою пози-

...И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме.

От Матфея, гл. 21, ст. 12.

цию по отношению к рынку: что хорошего обещает библиотекам становление рынка и чем нехорошим им угрожает?

Рынок привлекает наших производителей тем, что они смогут выйти из-под власти Госплана и Госснаба и распоряжаться своей продукцией по собственному усмотрению. Библиотекарей же Госплан и Госснаб мало беспокоят, потому что эти столпы административно-командной экономики никогда не опускались до библиотечных нужд, в лучшем случае имея в виду культуру в целом. Далее: вместо централизованного распределения заданий, госзаказов, ресурсов, фондов начнут действовать экономические стимулы, основанные на материальной заинтересованности производителей; но библиотекам до этого мало дела, ибо прибыль никогда не была целью их деятельности, а превышение доходов над расходами не служило критерием их эффективности. Рынок обещает энергичному предпринимателю широкое поле для самореализации, обогащения, процветания. Беда в том, что среди библиотечных работников мало людей с предпринимательской жилкой, поэтому нет желающих вкушать свободу библиотечного предпринимательства. Необходимым условием перехода к рыночной экономике является разгосударствление и приватизация многих государственных предприятий, расширение акционерной, арендной, частной собственности, и эти процессы начались. Однако факты выкупа или аренды каких-либо библиотек пока не известны. Наконец, политика цен совсем уж не волнует библиотечную общественность, так как библиотекари никогда не чувствовали себя товаропроизводителями.

Конечно, соблазнительны фантастические картины благополучия, ожидающего нас в царстве рыночной экономики. Например. «Из пепла возродятся и процветут забытые

¹ Политическая экономия: Словарь.— М.: Политиздат, 1979.— С. 349—350.

² Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1990.— С. 86.

³ Полозков И. К. О программе действий коммунистов России // Правда.— 1990.— 15 дек.

ремесла. Расцветет торговля. Сотни мелких, средних и крупных кафе, ресторанов, кондитерских и блинных украсят улицы наших городов. Тысячи мелких и крупных магазинов и магазинчиков будут зазывать к себе покупателей яркими и красивыми витринами. Сформируется приветливая, услужливая и удобная служба быта»⁴.

Настораживает то, что в рыночных утопиях никогда не упоминается ни о книгах, ни о библиотеках. Материальное благополучие, которое сулит рынок, не есть панацея, это всего лишь одна из предпосылок возрождения культуры, поэтому было бы легкомысленным ребячеством радоваться рыночной экономике, как дитя новой сказке. Разумнее призадуматься о печалях, которыми угрожает нам рынок.

Наш простой советский человек, homo советикус, трансформируется в homo экономикус, люмпен-бизнесмена в первом поколении. Достигнув власти на предприятии, он начинает избавляться от нахлебников и дармоедов, и в первую голову — от библиотек. Профсоюзные библиотеки ликвидируются одна за другой; научно-технические библиотеки и органы НТИ судорожно борются за свое существование; местные советы расчетливо присматриваются к государственным ЦБС, владеющим соблазнительными помещениями. Верховные советы и местная советская власть, занятые более неотложными делами, и слушать не хотят о библиотечных нуждах. Слава богу, что по инерции сработала кампания в пользу незащищенных работников культуры и библиотекарям повысили зарплату накануне всеобщего скачка цен.

Для развития библиотечного дела нужна экономическая и политическая стабильность. Это аксиома. Отказ от пятилетнего планирования, отсутствие бюджетных ассигнований на начало года, свертывание централизованного материально-технического снабжения, всеобщий дефицит и инфляция не могут не отразиться губительно на библиотечном строительстве. Изношенная и скудная материально-техническая база библиотек ухудшится еще больше. Профессиональная библиотечная психология в рыночной атмосфере испытает сдвиг ценностных ориентаций от гуманистического бескорыстия к хозяйственному расчету, платным услугам, маркетингу. Вместо благородного просветителя героем библиотечного дела станет коммерческий директор.

Если сопоставить плюсы и минусы, обещания и угрозы рыночной экономики, нельзя не

прийти к выводу, что баланс получается отрицательный. Рыночная экономика — не странобетованная для советских библиотек. Директивно-плановое распределение ресурсов гарантировало нашим библиотекам пусть нищенское, но существование. Правда, взамен библиотеки должны были стать опорными базами партийных организаций, пропагандистами марксизма-ленинизма, решений КПСС, советского образа жизни и т. д. Но зато в директивах по развитию народного хозяйства, утверждаемых очередным партийным съездом, всегда находилось место для упоминания о государственных массовых библиотеках, органах НТИ, патентно-лицензионных службах. Под эгидой административно-командной системы в СССР открыто в 6 раз больше публичных библиотек, чем в США, и в 1,7 раза больше научных и научно-технических. Подчиняясь партийным решениям, любой бюрократ-администратор был вынужден художественно содержать службу НТИ и профсоюзную библиотеку на своем предприятии. Теперь же библиотекам не у кого искать защиты от административного произвола и враждебного окружения.

Что же нам делать? Прошлое вряд ли достойно горьких сожалений, да оно и невозвратимо в силу необратимости времени. Рыночная стихия беспощадна, но она дает свободу инициативы, свободу риска. Если так, то, может быть, стоит попытаться приспособиться к требованиям рынка, вписаться в его коммерческие структуры? Совместимы ли библиотеки и рыночные отношения? Для того, чтобы аргументированно ответить на этот вопрос, недостаточно обобщить различные примеры успешного библиотечного предпринимательства, нужно взглянуть на библиотеки с позиции политической экономии, оперирующей общими законами общественного производства.

Библиотека как товаропроизводитель. Общественное производство в цивилизованном человеческом обществе включает две взаимосвязанные и взаимозависимые сферы: 1) сферу материального производства, конечным результатом которого являются материальные продукты, по словам К. Маркса «вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы»⁵ или материальные услуги (транспорт, торговля, почта, бытовое обслуживание и т. д.); 2) сферу идеального (духовного) производства, охватывающую науку, технику, искусство, право, политику, религию, нравственность, философию. Здесь конечным результатом является не материальный, а идеальный продукт, т. е. осмысленное знание,

⁴ Пняшева Л. Сон о трех указах // Лит. газета. — 1991. — 13 марта.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 23. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1960. — С. 192.

эмоциональное воздействие, волевое побуждение.

Суть рыночной экономики состоит в том, что распределение продуктов общественного производства обеспечивается не путем натурального обмена, а посредством товарно-денежного обращения. Рынок понимается в классической политэкономии как обмен товарами, опосредованный деньгами в качестве всеобщего товарного эквивалента. Товар мыслится как предмет или деятельность (услуга), произведенные не для собственного потребления, а для продажи. Всякий товар должен обладать двумя качествами: во-первых, потребительной стоимостью, т. е. способностью удовлетворять какие-то потребности людей; во-вторых, меновой стоимостью, выражающейся в цене. Меновая стоимость формируется не произвольно, а в соответствии с общественно необходимыми затратами труда, требующимися для производства данного предмета или услуги.

Механизм обмена материальными продуктами посредством рынка отлажен многовековой практикой и работает надежно к взаимному удовольствию производителей и потребителей товара. Для распространения идеальных продуктов также есть исторически сложившийся механизм — это **социальная коммуникация**, в том числе коммуникация документальная, элементом которой служат библиотеки. Система социальной коммуникации представляет собой своеобразный «рынок» идей, знаний, информации — духовных ценностей. Здесь есть свои поставщики, свои посредники (библиотекари и библиографы — в первую очередь), разнообразные потребительские группы (аудитории, читательские круги и т. п.). В отличие от материального рынка, идеальный рынок не выработал такого всеобщего обменного эквивалента, как деньги. Если товарооборот происходит по формуле «товар — деньги — товар», то диалог идей, обмен мнениями, поиски истины происходят по более сложным нелинейным траекториям, которых мы не знаем. Можно заметить однако, что примитивные законы материального товарообмена проникают в сферу идеального производства. Идеальные продукты приравниваются к товарам, подлежащим купле-продаже, становятся объектами интеллектуальной собственности, защищаемой авторским и патентным правом. Но все-таки в сфере идеального производства рынок оказывается не столь всемогущим и всеобъемлющим, как в сфере материального. Не случайно Христос изгнал торговцев из храма. Храм — не место для продающих и покупающих, так же как академия наук, университет, школа, парламент, суд — не место для коммерции.

Сплошной коммерциализации общественной жизни противостоят не только эмоции, но и разумный расчет. Дело в том, что на идеальные продукты не распространяется закон стоимости, ибо нельзя определить общественно необходимое время (абстрактный труд), потребное для создания произведения искусства, научной концепции, технического изобретения. Поэтому продуктам духовного творчества чужда меновая стоимость и цену им в рублях или долларах установить невозможно. Распространение товарно-денежных отношений на сферу идеального производства — это грубое опошление и вульгаризация таинства творчества. Не случайно коммерциализация духовной деятельности всегда вызывала протест свободных художников и мудрых ученых.

Теперь о библиотеках. Наряду с органами НТИ, книгоиздательствами и средствами массовой информации, музеями, архивами и другими службами социальной коммуникации, библиотеки являются посредниками и регуляторами, обеспечивающими взаимодействие между материальным и идеальным производством. Переходя на рыночный жаргон, можно назвать их информационно-маркетинговыми службами, цель которых — привести духовное производство в соответствие со спросом на идеальные продукты. Могут ли эти службы в условиях рыночной экономики стать товаропроизводителями? В принципе — да.

Мы не знаем, сколько абстрактного труда требуется для сочинения рассказа, проповеди или водевиля, но общественно необходимый труд по организации детской библиотеки или библиотеки завода, по составлению тематического указателя литературы или плана комплектования поддается расчету и может быть представлен в денежном выражении. Поэтому, если писатель или художник лишь условно может быть назван товаропроизводителем (его идеальный продукт нельзя оценить в деньгах), то библиотекарь или библиограф имеет право именоваться полноценным создателем товаров, обладающих и потребительной, и меновой стоимостью. Такие приметы рынка, как сметы, нормативы, калькуляции, давно уже стали повседневной реальностью библиотечного дела. Хозрасчет и платные услуги вовсе не отторгаются библиотеками и кое-где приносят ощутимый доход. Следовательно, можно сделать вывод, что библиотекарь, как и другие социально-коммуникационные службы, с точки зрения политической экономии, способны стать товаропроизводителями и работать в режиме самоокупаемости и самофинансирования.

Какова должна быть в этом случае цена библиотечного обслуживания? Произведем нехитрый расчет, исходя из того, что задачей

коммерческой деятельности библиотеки является не извлечение прибыли, а компенсация затрат на собственное содержание и развитие. Опыт показывает, что за счет договоров с предприятиями, платных услуг, пожертвований и других поступлений массовым библиотекам удается покрыть 15—20% своего бюджета. Тогда ЦБС, имеющая годовой бюджет 500 тыс. рублей, должна каждого из 40 тыс. обслуживаемых читателей обложить ежегодной «данью» в 10 рублей минимум. Абонентная плата за пользование крупнейшими книгохранилищами оказывается более высокой. К примеру, в 1988 г. бюджет ГПНТБ СССР составил 6 млн рублей, договоры и платные услуги дали 260 тыс. рублей. Предположим, что предпринимательская деятельность ГПНТБ СССР получит развитие и достигнет в 1991 г. 1 млн рублей. Если количество читателей сохранится на уровне 200 тыс., то стоимость годового читательского билета составит 25 рублей. С повсеместным инфляционным подорожанием, естественно, должны возрасти и цены за пользование библиотеками, но и тогда они вряд ли превысят приемлемые для читателей пределы. Кстати, уместно вспомнить, что в России с конца XVIII в. стали возникать, а в XIX в. получили широкое распространение платные «библиотеки для чтения». Плата колебалась от 6 до 16 рублей в год в зависимости от разряда абонемента, а залог за взятые на дом книги — от 5 до 10 рублей⁶.

Итак, принципиальных ограничений и противопоставлений коммерциализации библиотек с точки зрения политической экономии не обнаруживается. Между тем существует весьма авторитетное мнение, что недопустимо и даже аморально требовать с читателей плату за библиотечное обслуживание, что во избежание одичания населения принцип общедоступности библиотечных фондов должен соблюдаться неукоснительно. Где же истина? Христос в гневе праведном изгнал торговцев из храма, но кто знает, изгнал ли бы он коммерческого директора, посетив библиотеку? Поскольку наши библиотеки только вступают в незнакомое и чуждое им царство рыночных отношений, имеет смысл присмотреться к способу существования зарубежных собратьев, старожиллов этого царства.

Уроки зарубежного опыта. За границей принято различать четыре типа библиотек: 1) публичные, в том числе национальные, содержание которых обеспечивается государством и местными органами власти за счет налогоплательщиков; 2) библиотеки универ-

ситетов и колледжей, финансируемые за счет бюджетов соответствующих учебных заведений; 3) школьные, принадлежащие либо государственным органам народного образования, либо владельцам частных школ; 4) специальные — широкая и довольно расплывчатая категория библиотек, для которых характерна ориентация на ограниченный круг читателей и определенный фонд литературы. Центральное место среди специальных занимают библиотеки, обслуживающие специалистов науки, техники, бизнеса, т. е. по-нашему — научно-технические.

Первые три типа являются бесприбыльными, и сумасшедшая идея об их самофинансировании никому не приходит в голову. Нет ни одной страны, где государство отказалось бы от содержания национальных библиотек, являющихся, помимо прочего, культурно-историческим символом данной нации, а муниципальные власти не считали бы своим долгом создавать и поддерживать общедоступные библиотеки. К примеру, в бюджетах штатов США публичным библиотекам выделяется 0,4—0,5% средств (на содержание полиции 3%, на народное образование 30%). Поэтому здесь мы не можем почерпнуть никаких уроков библиотечного предпринимательства. Напрашивается вывод, что в условиях рыночной экономики, так же как и при нерыночном хозяйствовании, публичные библиотеки и библиотеки учебных заведений целесообразнее и даже выгоднее исключить из числа товаропроизводителей, чем принуждать их торговать своими услугами на коммерческой основе. Тогда, может быть, специальные библиотеки, и прежде всего — принадлежащие частному капиталу, окажутся источником столь нужного нам опыта коммерциализации?

Различаются три субъекта библиотечного строительства, обладающие правом собственности на специальные библиотеки: 1. Государство, строящее и содержащее отраслевые, территориальные, локальные (в государственных учреждениях, исследовательских центрах) библиотеки, в том числе национальные специальные библиотеки. 2. Независимые научные и профессиональные общества и ассоциации. 3. Частные компании, фирмы и корпорации.

Государственные библиотеки и информационные центры не ставят задачу извлечения прибыли, хотя и выступают на информационном рынке в качестве поставщиков библиографических баз данных, текущих и ретроспективных библиографических изданий. Опираясь на государственные ресурсы, они должны обеспечивать надежную и богатую библиотечно-библиографическую базу, кото-

⁶ Рейтблат А. «Библиотеки для чтения» в России // Библиотекарь.— 1991.— № 3.— С. 9—11.

рой могут пользоваться в случае необходимости остальные библиотеки и информационные учреждения. Показательно, что в 1970-е гг. коммерческие информационные фирмы США развернули кампанию за субсидирование федеральным правительством дорогостоящих работ по развитию системы МЕДЛАРС в Национальной медицинской библиотеке, считая, что свертывание этой государственной системы принесет им убытки.

Библиотечно-информационные центры общественных организаций довольно активно стремятся удовлетворить информационные потребности своих членов, практикуя вместе с тем платное библиотечно-библиографическое обслуживание сторонних читателей. На их долю в некоторых странах приходится половина библиографической продукции по науке и технике. (В нашей библиотечной системе научные и профессиональные организации, если не считать академии наук, не представлены.)

Специальные деловые библиотеки частных компаний невелики по масштабам: в среднем по США их штат состоит из 6 человек (3 профессиональных библиотекаря и 3 вспомогательных работника). Многочисленные мелкие фирмы часто не в состоянии содержать собственные информационно-библиотечные службы, и государственные библиотеки, в том числе публичные, приходят им на помощь.

Таким образом, в области специальных библиотек за рубежом главным инвеститором, организатором и гарантом является государство, а общественная и частная инициатива дополняет основополагающие государственные вложения. Таково положение в библиотечном деле, которое никогда не было торжищем бизнеса, хотя в принципе потенциально могло бы им стать. Иное дело — индустрия информации. В компьютеризованном информационном обществе она стала весьма привлекательной для капиталовложений, поскольку дает норму прибыли, превышающую среднюю. Уместно отметить, что доходные информационные системы обслуживают главным образом не ученых и инженеров, а менеджеров, биржевых брокеров и коммерсантов. Превалирует спрос на банковскую и кредитную информацию, биржевые данные, положение на товарных рынках и т. п. За информацию такого рода промышленные и торговые фирмы, составляющие 80% пользователей коммерческих информационных систем, готовы вносить требуемую плату.

Интересно, что если в библиотечном деле главная ставка делается на государственную поддержку, то в информационном бизнесе США и Западной Европы идет вытеснение го-

сударства как нежелательного конкурента. Частные фирмы действуют здесь под лозунгом «Повышение роли рынка — сокращение роли государства». Однако полной приватизации информационного сектора не допускается⁷.

Известны ли крупные и самостоятельные специальные библиотеки (именно библиотеки, а не генераторы или посреднические центры обработки баз данных), функционирующие в режиме самофинансирования, т. е. получающие прибыль, достаточную для возмещения расходов и обеспечения дальнейшего развития? Нет, не известны. Деловые же библиотеки фирм целиком зависят от фирмы-хозяйина и никакой самостоятельной коммерцией не занимаются. Рожденная в бюрократических мозгах ретивых администраторов мысль о хозрасчетной самоокупаемости библиотек не подтверждается мировым опытом. Предусмотрительный и культурный частный бизнес оказывается заинтересованным в сохранении бесприбыльного государственного библиотечного сектора в конкурирующей рыночной экономике. Получается, что торговцы, выгнанные Христом из храма, предпочитают не делать библиотеки местом наживы, хотя, повторяем, политическая экономия не запрещает продавать библиотечные услуги по умеренным ценам. Способны ли нынешние руководители нашего библиотечного дела, да и массовый советский читатель понять логику капиталиста, побуждающего государство развивать библиотечное строительство и посылать участвующего в этом процессе? Боюсь, что нет, и причиной их непонимания является получивший опасное распространение информационный нигилизм.

Информационный нигилизм и теневая экономика. Информационный нигилизм представляет собой сознательный отказ от информации как ценности, т. е. отрицание потребительной стоимости в продуктах идеального производства. Информационный нигилист не видит смысла в историко-культурном наследии, фундаментальных библиотеках и национальных книжных репертуарах, его информационный спрос сводится к научно-технической или конъюнктурно-экономической информации, требующейся сегодня и сейчас для того, чтобы «расширить» узкие места производственного процесса; ему интересны международные события, скандальная хроника, важна обыденная, повседневная информация. Информационный нигилист по своему духовному развитию типичный продукт массовой советской культуры. Таких людей по-

⁷ Родионов И. И. Основные характеристики рынка информационных услуг развитых капиталистических стран. — М.: МЦНТИ и др. — 1990. — С. 41—45.

давяющее большинство; по моим оценкам, 87% взрослого населения нашей страны — информационные нигилисты.

Оставшиеся 13% распределяются следующим образом: 5% — представители типа «человек биологический» (люди с атрофированными духовными потребностями, задавленные беспросветной нуждой, пьянством, насилием, и в силу этого совершенно чуждые общественной духовной жизни); еще 5% составляют люди с «деформированной духовностью», сосредоточившие свои интеллектуальные и душевные силы вокруг сравнительно локальной проблематики (узкие специалисты и чудаковатые ученые, художники, замкнувшиеся в «башне из слоновой кости», религиозные подвижники, политические экстремисты), информационные потребности людей такого типа отчетливо ими осознаны и побуждают их к активному взаимодействию с социально-коммуникационными службами, в том числе — с библиотеками; наконец, 3% относятся к немногочисленному типу наших соотечественников с богатой, гармонично развитой духовностью. Именно два последних типа — деформированные фанатики и гармоничные интеллектуалы — противостоят нарастающему нигилизму.

О росте информационного нигилизма свидетельствуют:

ликвидация, сокращение, перепрофилирование информационных служб и библиотек; красочно описанное О. Е. Бурым-Шмарьяном явление «непотребления информации», когда специалисты под разными предлогами стремятся уклониться от настойчиво предлагаемых им информационных услуг;

грубо потребительское, рыночное отношение к информации, к книге, к культуре вообще; отток читателей и падение социального престижа советских библиотек;

навязывание библиотекам коммерческого образа жизни, насильное превращение библиотек в доходные предприятия и т. п.

Ясно, что информационный нигилизм — не первопричина, а следствие мотиваций, продиктованных директивным централизованным управлением. Можно сказать, что информационный нигилизм — родимое пятно административно-командной экономики. Нерыночная социалистическая экономика отменяет действительные материальные стимулы для научно-технического прогресса, совершенствования качества продукции, соперничества самодельных производителей. Не удивительно, что трудящиеся утрачивают чувство ответственности, пренебрегают рабочей совестью и трудовой дисциплиной, становятся добычей индивидуального и группового эго-

изма, апатии, агрессивности и, естественно, информационного нигилизма.

Рыночная экономика связана с конкуренцией ума и таланта товаропроизводителей, для нее не характерна хитроватая тупость информационного нигилиста. Корыстолюбивые торгаши, изгнанные из храма Божьего, бесспорно, страдают многими грехами, но никак не информационным нигилизмом. Кажется бы, есть надежда, что рыночная терапия излечит «хomo советикус» от информационной пассивности и тем самым будет способствовать преодолению кризиса советских библиотек. Так ли это?

Часто приходится слышать о том, что нам нет необходимости искать особых путей и особых форм перехода к рыночной экономике, нужно лишь перенести на нашу почву методы хозяйствования, принятые в богатых капиталистических странах. Другими словами, нам нужно, отказавшись от бесплодной социалистической идеи, вернуться на столбовую дорожку мировой цивилизации, которую наша держава покинула в октябре 1917 г. Юридическое утверждение рыночных отношений, частное землевладение, приватизация торговли и промышленности есть не что иное, как социалистическая контрреволюция. Имеет ли эта контрреволюция шансы на успех? Уже говорилось, что капитализация общественного производства вызывает отчаянное сопротивление, вплоть до августовского путча, со стороны консервативных политических группировок. Но эти группировки всего лишь глашатаи основных антирыночных сил, воплощенных в мафиозной и коррумпированной теневой экономике.

Следует отдавать себе отчет, что предстоит не плавный переход от жесткой административно-командной экономической системы к гибкой системе свободной рыночной конкуренции, а разрушение симбиоза управленческой бюрократии, полновластно ведающей государственной собственностью, с дельцами теневой экономики, кооператорами-спекулянтами, питающими организованную преступность и банды рекетиров. Никакого честного экономического соревнования между рыночной и нерыночной экономикой не будет. Пройденный цивилизованными странами противоречивый и тернистый, но все-таки эволюционный путь к сбалансированной и устойчивой товарной экономике, для многострадальной России не приемлем. Не сможем мы тихо и мирно вписаться в благополучный: «европейский дом» или «азиатский дом», ибо это не в интересах могущественных криминально-бюрократических кланов. Этим кланам никакая рыночная экономика не нужна, так как она лишает их питательной среды, которую

создают плановое, но бесконтрольное распределение, постоянный дефицит, телефонное право, круговая порука, гарантированная безнаказанность. Паразитирующая часть административно-командной системы оказывается не мирным эксплуататором трудового народа, а воинствующим и решительным защитником старых порядков. Эти могучие силы склонны изгнать из храма не только продающих и покупающих, но и самого Христа-спасителя. Естественно, они стоят на страже информационного нигилизма, законного порождения деспотизма и рабства.

Выводы. Проблема «библиотеки и рыночная экономика» не имеет однозначного решения. Рынок — не земная обетованная для библиотек, тем более дикий потребительский рынок периода накопления капитала. Загнившая и разрушающаяся административно-командная система — тоже не островок спасения. Что же нам делать?

1. Нужна консолидация библиотечных и информационных работников на региональных, республиканских и всесоюзном уровнях. Формами такой консолидации могут быть, во-первых, добровольные библиотечные общества и ассоциации, во-вторых, комитеты библиотечного самоуправления. Сейчас библиотечное дело в нашей стране оказалось неуправляемым и беззащитным. Нет государственных органов, представляющих интересы библиотек всех типов в парламентах и правительствах, поэтому библиотекари должны сами позаботиться о себе, ориентируясь на формирование общественно-государственной системы управления библиотечным делом.

2. Зарубежная практика, да и наш исторический опыт показывают, что в библиотечном строительстве главным инвестителем и гарантом должно быть государство. Хозрасчет, договорное обслуживание, платные услуги и т. д. имеют не главное, а вспомогательное значение. Ни один спонсор, ни один коммерсант не в силах взять на себя содержание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ГПНТБ СССР, ВИНТИ или

Всесоюзной книжной палаты. Государство должно поддерживать эту главную «несущую конструкцию» информационно-библиотечной системы страны, а также поощрять своими законодательными актами частную инициативу на информационном рынке. Но если в трудную пору переходного периода государственный бюджет окажется не в состоянии содержать библиотеки, остается единственный выход: введение платного обслуживания, коммерциализация библиотечного дела. Экономических барьеров здесь нет, есть барьеры морально-этические, но если речь пойдет о судьбе библиотечных учреждений вообще, придется эти барьеры преодолевать.

3. Несмотря на традиционный консерватизм библиотечной профессии, библиотекарям нужно подготовиться к серьезным изменениям. Придется сбросить старую змеиную кожу социалистического догматизма и приобрести новый облик, обрести рыночными мускулами. Рыночные отношения должны сказаться на целях и содержании библиотечной деятельности. Здесь немало нового и интересного: информационный маркетинг, информационные аукционы и т. п. Рыночные отношения скажутся на взаимодействии библиотек друг с другом в справочно-библиографическом обслуживании, МБА, координации комплектования, техническом перевооружении и т. д. Наконец, нужно выработать механизмы правовой и экономической защиты библиотек от разрушительного рыночного варварства, порождаемого информационным нигилизмом.

Хочется все-таки закончить мажорной нотой. Информатизация нашей жизни — неотвратимая перспектива, и, по-видимому, наше общество, несмотря ни на что, преобразуется в постиндустриальное информационное общество, которое предъявит высочайшие требования к библиотекам и не пожалеет ресурсов для выполнения этих требований. Золотой век наших библиотек не позади, в мрачных годах диктатуры и застоя, а впереди — в свободном и богатом обществе культурных предпринимателей. Жаль, что не известны сроки наступления этого золотого века.